

Документ в Москве. — 1984, 10 ноября (№ 45)

АКТРИСА

Двадцатидвухлетней выпускницей ГИТИСа пришла во МХАТ в середине тридцатых годов Анастасия Павловна Георгиевская. Сейчас трудно представить себе блеск созвездия актеров, которые составляли труппу Художественного театра в те годы: Хмелев, Качалов, Москвин, Книппер-Чехова, Ливанов, Андровская, Добронравов, Грибов, Яншин, Массальский — каждый из них сам по себе мог стать центром и опорой целой труппы. И в этом коллективе начинающая актриса сумела не ступать, с первой роли дала повод говорить о себе, сыграв юную послушницу Таисию в „Достигаеве и других“. Конечно, удача, без которой не составляется ни одна большая творческая судьба, присутствова-

ла и здесь: не так уж часто доверяли тогда ответственные роли незрелым дебютантам. Особенно во МХАТе.

Молодую актрису заметили. „Трех сестрах“ — спектакле, поставленном Немировичем-Данченко. Это была отличная, высокопрофессиональная работа двадцатилетней актрисы в спектакле, где одно выдающееся актерское достижение соперничало с другим.

Шли годы. Серьезные, большие работы сменялись порой и проходными /МХАТ менялся, менялся репертуар/, случалось время, когда актриса играла до обидного мало. Были роли и в кино. Но мало. Но все годы — и насыщенные ролями, и бедные работой — шел процесс, не прекращающийся ни на минуту в настоящем художнике: процесс накопления мастерства. Большая дистанция отделяет звучное исполнение че-

ховской Наташи от той Георгиевской, какой мы ее знаем сейчас: великолепной „солистки“ актерского ансамбля Художественного театра, актрисы заостренного до гротеска и вместе с тем реалистически сочного рисунка, в котором на колоритно разработанном фоне темпераментно, с подлинным психологическим мастерством прописаны тончайшие детали, нюансы, „закоулки“ характера, дающие в сумме не только живой портрет, но обобщенный человеческий тип. Свежо возникла в памяти ее мадам Обноскина из „Села Степанчиково и его обитателей“ Достоевского. В этом довольно разностильном по актерскому исполнению спектакле МХАТа, где многое компенсировала замечательная игра Грибова — Фомы, заставляла с интересом следить за собой и эта фигура — Обноскина. Никчемная, обезличенная приживалка. напуска-

Сиделка (Спектакль „Все кончено“).

ющая на себя важный, высокомерно-поучительный тон, Олискин в миниатюре /неслучайно переключка фамилий/ — еще ждущая часа своего торжества над человеческим простодушием, она казалась сошедшей с картин живописца Федотова — особенно в той сцене, когда, стоя за дверью и вытянувшись от любопытства на цыпочки, жадно и с удовольствием внимала происходившему по ту сторону двери унижению ни в чем, кроме собственного мягкосердечия, не повинного Ростанева.

Вспоминается и совсем иная по характеру ее работа последнего времени — Сиделка в спектакле „Все кончено“, собравшем вместе на сцене замечательных мастеров старшего поколения. Роль решена в тонах почти символических: дежурящая все действие у постели умирающего и лишь изредка появляющаяся из-за полога кроват-

ти — Сиделка — с привычно бесстрастным от постоянного созерцания человеческого страдания лицом, с медлительной речью, в которой слова падают тяжело, веско, безжалостно констатируя исход чьей-то жизни.

Великолепный мастер, актриса подлинного Художественного театра, как бы доносящая до нас в своем искусстве память о его лучших годах, Анастасия Павловна Георгиевская находится в поре зрелости таланта. Только что сыграна сложная роль Арины Петровны Головлевой в инсценированных МХАТом „Господах Головлевых“. И хочется думать, что еще не один образ из созданий Щедрина, Гоголя, Достоевского будет очерчен насыщенными, выразительно яркими и глубоко психологическими красками ее самобытной актерской палитры.

Л. ВЕЛЕХОВ.